

ГУСТАВ ШПЕТ И ЛЕВ ШЕСТОВ: ДРУЗЬЯ И АНТИПОДЫ (две интерпретации феноменологии Эдмунда Гуссерля)*

Участники: *Мариза Денн, Т.Г. Щедрина, Б.И. Пружинин*
Организатор проекта и ведущая – Ю.В. Синеокая

Денн Мариза – профессор университета Бордо-Монтень, Бордо. **Université Bordeaux Montaigne** Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine. 10, esplanade des Antilles, F. 33607 Pessac, France; e-mail: maryse.dennes@u-bordeaux-montaigne.fr

Пружинин Борис Исаевич – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии». Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 90; ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; профессор кафедры философии. Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ). Российская Федерация, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8; профессор Факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: prubor@mail.ru

Синеокая Юлия Вадимовна – доктор философских наук, профессор РАН, заведующая сектором истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Щедрина Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования. Московский педагогический государственный университет. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; профессор кафедры философии. Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ). Российская Федерация, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8; редактор журнала «Вопросы философии». Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 90; e-mail: tannigra@yandex.ru

В центре внимания выступающих две интерпретации феноменологии Эдмунда Гуссерля: Густава Шпета и Льва Шестова. Каждый из них шел своим путем в философии, но это не мешало им дружить и делиться «несозревшими мыслями». В семейном архиве сохранились письма Шестова к Шпету, благодаря которым можно воссоздать ситуацию их общения. Письма Шпета к Шестову, по-видимому, не сохранились, но благодаря его письмам к Наталье Константиновне Гучковой (1912, 1914 гг.), в которых обнаруживается шпетовская особенность письма – предельно подробное описание того или иного события-разговора, – полемика между Шпетом и

* Выступление Т.Г. Щедриной подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 14-03-00399 Феноменологические штудии Густава Шпета как основа его «философской жизни» (историко-философская реконструкция архива).

Шестовым преодолевает время и становится для нас реальностью. Участники встречи попытались «войти» в разговор между двумя философами, который многое проясняет в их опубликованных трудах. Центральная тема их разговора – философский скептицизм, актуальный и сегодня.

Ключевые слова: история русской философии, феноменология, скептицизм, Лев Шестов, Густав Шпет, Эдмунд Гуссерль

* * *

Ю.В. Синеокая: Наша сегодняшняя встреча посвящена творчеству двух знаменитых русских философов – Г.Г. Шпета и Л.И. Шестова. Разговор у нас будет интересный потому, что поведут его три очень разных собеседника. Прежде всего, позвольте представить вам Татьяну Геннадьевну Щедрину, профессора, доктора философских наук, исследователя архивов. Думаю, не ошибусь, если скажу, что большая часть публикуемых сегодня архивных находок по русской философии принадлежит именно ей. Она – подвижник истории отечественной философии. Другой участник беседы – профессор Университета Бордо Мариза Денн. Профессор Денн специально приехала в Москву, чтобы принять участие в двух важных событиях философской жизни нашего города – в конференции, посвященной творчеству Вячеслава Ивановича Иванова, и в нашем проекте «Реплики». Благодаря многолетней исследовательской работе Маризы Денн, книги многих классиков русской философии рубежа XIX–XX вв. были переведены на французский язык, в частности профессор Денн перевела и опубликовала во Франции книгу Густава Шпета «Явление и смысл». Наш третий участник сегодняшнего разговора – Борис Исаевич Пружинин, человек известный, публичный, доктор философских наук, профессор, главный редактор одного из ведущих философских журналов нашей страны – «Вопросы философии».

Мне бы хотелось, чтобы наш разговор начала именно Татьяна Геннадьевна. Дело в том, что, во-первых, Густав Шпет – это ее любимый философский герой, а во-вторых, сегодня день его рождения. Конечно же, это не случайное совпадение. Мы так задумали заранее, чтобы наш сегодняшний разговор состоялся именно в этот памятный день. Открою вам еще один важный секрет: Татьяна Геннадьевна не далее как пару дней назад вернулась из Франции, где работала с архивными материалами Льва Шестова. Она привезла много интересных документов, которые будут использованы при организации ряда выставок, посвященных 150-летию философа. 2016 год – юбилейный для Шестова, осенью этого года запланирована большая международная конференция, посвященная творчеству Льва Шестова, которая будет проходить в Москве и в Санкт-Петербурге.

Т.Г. Щедрина: Прежде чем мы начнем наш диалог, я хочу поблагодарить правнучатых племянниц Л.И. Шестова Анну Лоран и Татьяну Игоревну Балаховскую за предоставление материалов семейного архива Льва Исааковича Шестова.

Лев Исаакович Шестов и Густав Густавович Шпет – это знаковые фигуры не только для русской философии, но и для всей современной философии. Мы представим актуальные сегодня идеи этих философов в контексте

их судеб и попытаемся прояснить траектории их интеллектуальных поисков, а также проблематизировать смыслы их исканий, обращаясь к современным контекстам.

Лев Шестов и Густав Шпет познакомились в Киеве, как об этом пишет Н.Л. Баранова-Шестова. Точное время их встречи узнать не удалось, в архивах каких-либо упоминаний об этом я не нашла. Но сохранились письма Шестова Шпету. Они, кстати, разрознены между двумя архивами – между личным архивом Шпета и Отделом рукописей Российской государственной библиотеки. А также сохранились письма Шпета к его невесте Наталье Константиновне Гучковой, где он описывает встречи с Шестовым в разное время. Начать я хочу с того, что долгое время оказывалось у нас вне поля зрения исследователей – с документов, демонстрирующих настоящую дружбу и интеллектуальную созвучность, которые связывали этих двух философов. Это казалось невозможным при различной направленности их философских интересов. Однако для Шестова это различие не было препятствием – дружеское сближение и было его философской жизнью, он в душах людей искал истину. Так, к примеру, он дружил с Э. Гуссерлем, они были, можно сказать, друзья и антиподы, с М.О. Гершензоном, с С.Н. Булгаковым и др.

Шпет и Шестов встречались в Москве и за границей. Андрей Белый так описывал их встречи и их отношение друг к другу: «Шпет... приверженец Юма и скептик, боготворил философские опыты Шестова. Нас сближала с ним не философия вовсе, а новизна его, афористичность его, тонкий юмор и чуткое отношение к культуре искусства»¹. В 1912 г. Шпет находился в Геттингене, где слушал лекции Гуссерля. В это время Шестов приезжал к нему, как свидетельствуют письма Шпета к Наталье Гучковой. Вот строки из письма от 11 июня (29 мая) 1912 г.: «Как кстати приехал Шестов! ... Приехал он вчера около 6, посидел у меня до 7, потом пошли к Марии Александровне. Там пробыли до 8, говорили о знакомых, о России, – “вообще”. Потом мы пошли с ним за город, гуляли до 12 ч. ... Главным образом говорили о моей работе, я рассказал свои мысли и планы, – все это обсуждали. Сегодня я ему прочту кое-что из написанного. Остается он до вторника, потом едет к себе в Швейцарию»². И дальше он говорит: «Очень бы я хотел, чтобы ты прочла его книги, я считаю их исключительно выдающимися. Но, с другой стороны, он очень труден для понимания, не потому, что трудно пишет, а по своеобразной манере делать отрицательные выводы, которые большинством и понимаются как скептицизм и пессимизм, между тем я не знаю более ищущего и желающего найти правду, чем он»³. В это же время Шестов восклицал в одном из разговоров с Евгенией Герцык: «Это я скептик? – когда я только и твержу о великой надежде, о том, что именно гибнущий человек стоит на пороге открытия, что его дни – великие кануны»⁴.

Все эти свидетельства говорят нам о том, что, несмотря на разность позиций (к которой мы ниже еще вернемся, ибо эта разность требует пояснений), Густав Шпет и Лев Шестов находили общие, сближающие их философские темы. Шпету особенно нравилось то, что Шестов взламывал догматические формы морали. Действительно, он ставил вопросы именно там, где морализаторство выходило за рамки философствования, превращалось в догму. И я полагаю, именно сегодня очень важно пристально присмотреться к тому, что объединяет таких несхожих мыслителей, как Шестов и Шпет.

¹ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 559–560.

² Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 66.

³ Там же. С. 66–67.

⁴ Баранова-Шестова Н.Л. Жизнь Льва Шестова: в 2 т. Т. 2. Париж, 1983. С. 120.

Их современница Евгения Герцык тоже пыталась ответить на этот вопрос: «Это не группа идейных союзников, как были в прошлом, например, кружки славянофилов и западников. И все же связывала их не причуда личного вкуса, а что-то более глубокое. Не то ли, что в каждом из них таилась взрывчатая сила, направленная против умственных предрассудков и ценностей старого мира, против иллюзий либерализма, но вместе с тем и против декадентской мишуры, многим тогда казавшейся последним словом? <...> У каждого было свое видение будущего, стройное, строгое, определяющее весь его творческий путь»⁵.

Б.И. Пружинин: Я думаю, что сегодня, из опыта прошедшей с тех пор истории, можно, если угодно, дополнить сказанное Герцык: они надеялись и стремились в это будущее, очень тонко чувствуя симптомы надвигающегося кризиса и пытаясь выйти из него к новым горизонтам. Татьяна Геннадьевна Щедрина – профессиональный историк философии, а я занимался всю жизнь тем, чем занимался Гуссерль: теорией познания. В центре моих интересов всегда было научное познание, наука. И когда я читаю тексты Шестова и Шпета, когда я сопоставляю взгляды Шестова, Шпета и Гуссерля, то у меня возникают коннотации, очень тесно связанные с тем, что сегодня происходит в науке и с наукой – кризис, симптомы которого они прочувствовали, уже есть. Историко-философское исследование, это ведь не просто описание старых текстов, это всегда реконструкция их смысла из дня текущего. Это всегда выход на какие-то современные актуальные темы, на сюжеты, соотносимые с проблематикой нынешнего дня. Именно поэтому вдруг обостряется интерес к тем или иным философам и идеям прошлого. Они становятся современными, даже злободневными.

Мой, так сказать, эпистемологический интерес к Шестову и Шпету связан с тем, что в их время начала меняться реальность научного познания. Они это чувствовали. Они это воспринимали. Как они это представляли? Мы еще будем об этом говорить. Но они ощутили это движение и сумели его так или иначе выразить. Ибо были философами, т. е. были способны выхватывать из происходящего у всех на глазах его, мало кому доступный, смысл и (очень по-разному) рационализировать свое восприятие происходящего. Шпет и Шестов сумели! Они чувствовали, как менялась ткань жизни, в том числе как менялся статус знания и познания. Замечу: в 1919 г. Макс Вебер написал свою знаменитую статью «Наука как призвание и профессия». Наука превратилась в профессию, отнюдь не всегда совпадающую с призванием. Слушатели, которым Вебер читал лекцию по этой статье, были в шоке. Я недавно рассказал об этой статье аспирантам НИУ ВШЭ, и для них это было неожиданностью – не потому, что они узнали что-то новое о «нормальной науке», просто о смысле, о культурном смысле их деятельности им никто так не говорил. Шпет и Шестов не просто видели, но осознавали происходящее на их глазах. Впрочем, я склонен думать, что истоки их прозорливости коренятся в особенностях русской философии.

Т.Г. Щедрина: Действительно, в программной статье первого номера журнала «Вопросы философии и психологии» главный редактор Николай Яковлевич Грот писал, что главная задача русской философии состоит в том, чтобы «...построить цельное, чуждое логических противоречий, учение о мире и о жизни, способное удовлетворить не только требованиям нашего ума, но и запросам нашего сердца»⁶. Эту философскую установку так или

⁵ Герцык Е.К. Воспоминания. Париж, 1973. С. 162.

⁶ Грот Н.Я. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889. № 1. С. IX.

иначе принимали и Вл. Соловьев, и Лопатин, и Трубецкие. Шпет определил эту установочную задачу как «положительную философию на русской почве». И она так или иначе проявлялась и у самого Шпета, и у Шестова, и у Франка. В общем, у самых разных мыслителей мы можем найти разные формы проявлений этой философской традиции на русской почве.

Б.И. Пружинин: Вы знаете, сейчас одна из самых актуальных тем в эпистемологии – это вопрос о том, как соединить ценностные и собственно гносеологические компоненты познания. Русская философия эту проблему приняла, она ее почувствовала тогда, когда многим казалось, что ценности – сугубо внешнее измерение научного познания. И, между прочим, в этом плане русская философская традиция обладает сегодня одним важным идейным преимуществом, которым грех не воспользоваться в современной философской ситуации. Сегодня просвещенческие убеждения по поводу роли рационального знания подверглись уничтожающей критике со стороны постмодернистской философии; результат – господство релятивистской эпистемологии. Между тем русская «положительная» философия по крайней мере на полстолетия раньше противопоставила просвещенческим иллюзиям положительную программу и подвергла их значительно более тонкой критике. И это сегодня чрезвычайно интересно.

Т.Г. Щедрина: Но вернемся к теме нашего разговора. Как раз в 1912 г. Шпет писал вторую часть «Истории как проблемы логики», где он пытался найти ответы на вопрос: как к историческому познанию, которое не имеет дела с повторяющейся реальностью, приложить логику? Как логика может быть приложена к исследованию непрерывно меняющейся действительности, в которую мы погружены? И вот именно эта проблема – проблема исторического познания – стала предметом разговора между Шпетом и Шестовым при их встрече в Геттингене в 1912 г. А в 1914 г. в их разговор на эту же тему «входит» Гуссерль. И разговор приобретает форму спора по поводу Гуссерля. При этом в опубликованных письмах того периода не содержится ничего по существу обсуждаемой ими темы. Однако определенная сфера вполне предметного разговора между Шпетом и Шестовым может быть реконструирована при обращении к письмам из архива Шпета. В частности, в письме Шестова к Шпету от 11 июля 1914 г., которое уже упоминалось – оно оказалось разрозненным между двумя архивами, – Шестов замечает: «А я Гуссерля вполне понимаю, что он Вами так дорожит. Хотя у меня нет теперь досуга, но все же я нет-нет и почитаю Вашу книгу. Ведь она чертовски трудна (речь идет о книге “Явление и смысл”, которую перевела Мариза Денн. – Т.Щ.) – и я прямо дивлюсь, как это Вы справились с задачей. Форменная головоломка – даже в Вашей краткости, сжатости и все-таки ясности (насколько возможно для Гуссерля!) изложения. По существу, конечно, в письме не напишешь ничего. У меня большое желание узнать, что он для себя думает, какое отношение и связь имеют его *Untersuchungen* с теми волнениями и беспокойствами, которые в нем вызывают Толстой и Достоевский. Хотел бы знать – если будет случай, спросите, что он думает об Ибсене и Нитше. Может, таким образом подберем, наконец, ключ к его интуиции. Зачем она ему? Чтоб спасти науку или открыть новый путь человеческого достижениям?»⁷.

Б.И. Пружинин: Наверное, переводчик «Явления и смысла» может сказать, насколько эта книга сложна.

⁷ Густав Шпет: жизнь в письмах. С. 333.

М. Денн: Понятно, что мы обращались к Шпету прямо, не через Шестова. И значит, прежде всего мы сосредоточивали внимание на феноменологии как таковой. Мы заинтересовались феноменологическими взглядами Шпета в контексте западной философской культуры, в контексте французской и немецкой культуры. И уже с этой точки зрения мы обращались к русской культуре с ее специфичным взглядом, и первоначально, в общем-то, нам не так трудно показалось это. Кстати, сам перевод стал возможен благодаря Елене Владимировне Пастернак, которая передала в конце девяностых годов текст «Явления и смысла». Во Франции тогда в Национальной библиотеке был только текст по-английски – перевод, осуществленный Т. Неметом в 1991 году. Кстати, мы обнаруживали в нем кое-какие ошибки.

Т.Г. Щедрина: Как и в любом переводе, надо полагать.

М. Денн: Да, всегда можно спорить с переводчиком. Еще Т. Немет отослал нам перевод «Сознания и его собственника» на английский несколько месяцев тому назад. А мы отослали ему перевод на французский «Скептик и его душа», который мы еще не опубликовали. Мы будем переписываться, чтобы говорить о трудностях, которые мы встретили и в английском, и во французском языке при переводе текстов Шпета.

Т.Г. Щедрина: Кстати, в 2014 г. было сто лет «Явлению и смыслу», и журнал «Вопросы философии» в связи с этим событием провел «круглый стол». В нем участвовали практически все переводчики книги «Явления и смысл» – из Франции, Венгрии, США, Германии.

М. Денн: Ну, конечно, я шутила, когда говорила, что нам не показалось трудно. Конечно, трудно. И особенно проблема терминологии. Надо уточнить все понятия, все концепты, чтобы перевод на французском языке соответствовал именно феноменологической традиции, которая есть во Франции. Поэтому не надо переводить, ориентируясь только на русский язык. Раз Шпет ссылается на Гуссерля, то надо, конечно, обратиться и к немецкому языку и посмотреть, как на французский язык Рикер перевел Гуссерля и т. д.

Т.Г. Щедрина: Самая главная идея «Явления и смысла» выражена в следующем размышлении Шпета: «Вопрос о социальном бытии потому является таким плодотворным вопросом, что ответ на него обнаруживает неполноту или недоговоренность в том разделении, которое было произведено нами в самом начале и было принято до сих пор, как достаточное, именно разделение интуиций на интуиции опытные и идеальные. Является ли это разделение исчерпывающим, достаточно ли признать эти два рода интуиций, чтобы показать возможность всякого познания, – другими словами, всякое ли бытие дается нам только в интуициях этих двух родов? <...> Между чувственной интуицией и идеальной есть еще нечто “третье”, что не составляет вида каждого из этих родов, и что впервые только показывает, как суть оба эти рода интуиций, и что, поэтому, занимает совершенно самостоятельное место в отношении их обоих»⁸. Между прочим, сказанное Шпетом означает, что Гуссерль не ставит вопрос о бытии словесном. О бытии слова.

Б.И. Пружинин: Впервые я прочитал работу Шестова где-то в 1978–1979 гг. Это была книга «На весах Иова» – принесли перепечатанный на машинке текст. Кто-то перепечатал издание “Умса-press”, и распечатка «ходила» по Институту философии «из рук в руки». Принес, по-моему, В. Кормер. Ну, во всяком случае, через «Вопросы философии» такого рода литература к нам приходила. Конечно, Шестова можно было читать и в спецхране, но

⁸ Шпет Г.Г. Явление и смысл // Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М., 2005. С. 121–122.

у меня были иные интересы. А вот когда прочитал, сфера моих интересов резко расширилась. Так вот, когда я позднее, уже в рамках моих расширенных эпистемологических интересов, читал работы Шестова, мне показалось, что Шестов уловил тот же самый «пробел» в феноменологии Гуссерля, что и Шпет. Только «видение будущего» повело его в другую сторону. Шпет двигался к языку, к словесной реальности, к логике. Шестов – к психологии, к экзистенциально-чувственному переживанию реальности. Да и «пробел» этот они уловили именно потому, что сам Гуссерль достаточно отчетливо осознал и симптомы кризиса науки, и необходимость поиска новых культурных перспектив. Мне так показалось.

Т.Г. Щедрина: Да, и я бы с этим согласилась. Именно эта психологистическая интенция Шестова очень ясно проступала, когда мы разбирали в архиве письма, которые цитировала Баранова-Шестова. Она очень часто прибегает либо к отточию, либо просто констатирует – «неразборчиво». А мы с Т.И. Балаховской нашли одно очень интересное письмо, посвященное Бёме, которое процитировано у Барановой-Шестовой с купюрами. Там нет одного ключевого слова, которое было главным глаголом для Шестова и которое осталось как бы за кадром в этой цитате. Бёме важен не тем, что он для немецкого идеализма открыл пути, говорит Шестов, а тем, что эти идеи его... – тут неизвестное слово. И там оказалось «пытали». Для Шестова, стало быть, важно было, какие муки испытывал Бёме, когда он рождал идеи. В 1917 г. Шестов публикует статью «Memento mori. По поводу теории познания Гуссерля». Ключевая фраза этого текста, на наш взгляд с Борисом Исаевичем Пружининым: «Не всегда задача философии... – дать возможность человеку от субъективного высказывания переходить к объективному и, таким образом, превращать ограниченные переживания в безграничные. Это удалось теперь и Эдмунду Гуссерлю. ... На его призыв откликнулись сотни голосов. Кто теперь не владеет абсолютной истиной? <...> Люди снова погрузились в свой безмятежный рационалистический сон – до первого, конечно, случая. ... А мир потрясают события, которые, конечно, никак не улягутся в “идеальную” закономерность, вновь открытую геттингенским философом. Проснутся ли люди – или мир до скончания веков обречен на непробудный сон? <...> И все же рационализму, со всеми его “аргументациями из следствий” и угрозами сумасшедшего дома, не дано заглушить живущего в людях смутного чувства, что последняя истина... лежит по ту сторону разума и разумом постижимого»⁹.

Б.И. Пружинин: Вообще, я не сторонник таких психологизирующих взглядов, во всяком случае, в их крайних формах. Я рационалист по сути своей. Или по воспитанию, уж не знаю. Хотя у меня ощущение такое, что, как правило, философы компенсируют в себе свое исходное и борются с этим. И поэтому где-то во мне глубоко живет иррационалист. Может быть потому, что я долго занимался псевдонаукой различного рода – от астрологии до политологии. Но важно другое, на мой взгляд. Важно, что Шестов прочувствовал реальность и сумел это выразить. Я повторю мысль, которая у меня постоянно возникала при чтении Шестова: нельзя просто погружаться в его тексты, в его фразы, в его языковые конструкции. Чтобы понять, что он сказал, – нужно обратиться к историко-культурному контексту. И то, что он сумел разглядеть, прочувствовать и выразить, сегодня это стало очень актуальным. Вы посмотрите на состояние современной теории познания. Способна ли современная эпистемология сформулировать хоть какой-то критерий,

⁹ Шестов Л.И. Memento mori. (По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля) // Вопросы философии и психологии. 1917. № 139–140. С. 67–68.

позволяющий хотя бы приблизительно отличить знание от мифа, научную теорию от идеологической конструкции? Ведь с точки зрения господствующих ныне эпистемологических концепций ученые просто договариваются, что принимать за знание, а что не принимать. Можно с Шестовым спорить, можно соглашаться, но мне очевидно, что он обнаружил что-то, что и сегодня в науке присутствует, и очень ярко, и очень основательно. Он искал истину в душах современников. Сегодня ученые вообще-то не употребляют термин «истина», они его потеряли.

Т.Г. Щедрина: Еще о 1917 г. В это время погиб сын Шестова Сергей. Более точно неизвестно, когда это произошло, он погиб на войне. И в это время появляется его пронзительная статья, где он воспринимает Гуссерля как классического рационалиста, не замечая, что Гуссерль фактически уже ставит под вопрос именно классический рационализм. Долгое время мы не знали, существует ли какой-то ответ Шпета на эту статью. Оказалось, что в архиве Шпета сохранились заметки о Шестове, которые я (с трудом) расшифровала. Это была критика текста “Memento mori”, а также статьи Шестова «Самоочевидные истины», которая появилась в первом выпуске ежегодника «Мысль и слово» под редакцией Шпета: «Шестова преследует призрак, но этот призрак был некогда жив, – тогда Шестов был бы весьма ценен. Он опоздал ровно на 48 лет, – считая с первого провозглашения: Zurück auf Kant! С тех пор само кантианство задается уже новыми задачами, а Шестов все еще с жаром неокантианских прозелитов ратует против претензий метафизики. Итак, в 1001 раз провозглашается, что философии как знания нет, а философия продолжает свое дело; – Движения нет, сказал мудрец брадатый...»¹⁰.

Этот текст опубликован в седьмом томе сочинений Шпета «Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры». Но Шпет не стал дорабатывать и публиковать эти тексты «Заметок...». Я думаю, что прежде всего по психологическим соображениям. Он ответил по-другому. В первом выпуске ежегодника «Мысль и слово» вышла не только статья Шестова, здесь же шпетовская статья «Мудрость или разум» (она коррелирует с текстом Шестова «Афины и Иерусалим»).

В «Самоочевидных истинах» Шестов пишет: «... в противоположность философам-рационалистам, нужно сказать: философия начинается не тогда, когда человек находит бесспорный критерий истины. Напротив, философия начнется лишь тогда, когда человек растеряет все критерии истины, когда он почувствует, что никаких критериев быть не может и что они даже ни за чем не нужны»¹¹.

И Шпет меняет свою прежнюю оценку взглядов Шестова. Если в 1912 г. он не считал Шестова скептиком, то теперь, в 1917 г., в «Заметках о Шестове» своеобразный, подчеркнутый, своеобразный скептицизм Шестова ему очевиден:

«Кто-то в нашей литературе уже называл Л. Шестова скептиком. Это и неверно и верно. Когда под словом скептицизм здесь подразумевают современный скептицизм и релятивизм, то эта квалификация – не верна. Современный скептицизм отчаивается в достижении истины и, поэтому, просто отрицает ее; он – негативистичен. Релятивизм провозглашает относительность истины “всякой” и “вообще”, но только затем, чтобы придать вид истинности собственным суждениям. Другое дело скептицизм древних: академиков, Секста Эмпирика. Их просто истина не влекла к себе, не “ин-

¹⁰ Шпет Г.Г. Заметки о Шестове // Шпет Г.Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М., 2010. С. 210.

¹¹ Шестов Л.И. Самоочевидные истины // Мысль и Слово. Филос. ежегодник. Вып. I. М., 1917. С. 133.

тересовала» (ср. De profundis: последняя фраза первого абзаца), была для них безразлична; это – индифферентизм. На первом же плане – мораль; и все – sub specie moralitatis»¹².

Б.И. Пружинин: Здесь необходимо кое-что уточнить. Дело в том, что педантично-последовательный Шпет поймал, так сказать, Шестова на неточности, на противоречии внутреннем. Шестов предъявляет претензии Гуссерлю, но ошибается. Шестов достаточно убедительно демонстрирует, что истина относительна, что она всегда частная, что она всегда условная и т. д. и т. п. Но таким образом он описывает именно истину. А после этого говорит, что никакой истины нет. Шпет при этом здесь рассуждает как профессиональный философ. И я не могу не согласиться со Шпетом. Но есть нечто очень важное, значимое в непоследовательности Шестова, имеющее отношение к нынешней ситуации. Современный скептицизм и релятивизм по отношению к истине – это негативная, полностью зависимая от классического рационализма позиция. Она сводится к отрицанию, отрицанию, отрицанию истины. Античный скептик рассуждал бы сегодня иначе: «Истина? Мудрость нам нужна, а не истина. Что рациональное знание нам может дать для счастья? – Только технологии для выживания».

Список литературы

- Баранова-Шестова Н.Л.* Жизнь Льва Шестова: в 2 т. Париж: La Presse Libre, 1983.
Белый А. Между двух революций. М.: Худож. лит., 1990. 672 с.
Герцык Е.К. Воспоминания. Париж: Умса-Press, 1973. 192 с.
Грот Н.Я. О задачах журнала // *Вопр. философии и психологии.* 1889. № 1. С. V–XX.
Шестов Л.И. Memento mori. (По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля) // *Вопр. философии и психологии.* 1917. № 139–140. С. 1–68.
Шестов Л.И. Самоочевидные истины // *Мысль и Слово: Филос. ежегодник /* Под ред. Г.Г. Шпета. Вып. I. М., 1917. С. 106–141.
Шпет Г.Г. Заметки о Шестове // *Шпет Г.Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры /* Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2010. С. 210–221.
Шпет Г.Г. Явление и смысл // *Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избр. тр. /* Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2005. С. 33–188.
Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. 720 с.

Gustav Shpet and Lev Shestov: two friends and antipodes (the two interpretations of Edmund Husserl's phenomenology)

Maryse Dennes

Université Bordeaux Montaigne Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 10, esplanade des Antilles, F. 33607 Pessac, France; e-mail: maryse.dennes@u-bordeaux-montaigne.fr

Boris Pruzhinin

Journal *Voprosy Filosofii.* 90 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117279, Russian Federation; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; Far Eastern Federal University (FEFU). 8 Sukhanova Str., Vladivostok, 690950, Russian Federation; National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: prubor@mail.ru

¹² *Шпет Г.Г.* Заметки о Шестове. С. 219.

Julia Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Tatiana Shedrina

Moscow Pedagogical State University. 1/1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation; Far Eastern Federal University (FEFU). 8 Sukhanova Str., Vladivostok, 690950, Russian Federation; Journal *Voprosy Filosofii*. 90 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117279, Russian Federation; e-mail: tannirra@yandex.ru

The discussion panel is concerned with the two interpretations of Husserl's phenomenology given, respectively, by Gustav Shpet and Lev Shestov. Despite having little in common as philosophers, the two remained close friends and kept exchanging what they called their 'unmatured thoughts'. Shpet family archive has preserved several letters from Shestov which help recreate the context of their conversations. Apparently no letters remain from Shpet to Shestov, but there are Shpet's letters to N. K. Gutchkova (1912, 1914) which amply display his distinctive writing manner full of unusually detailed references to some of the more important points in discussions held elsewhere, and thus present us with a very important evidence of the partly lost polemic. Participants in the panel attempt to enter the imaginary dialogue between the two thinkers and show that in this way much of what is difficult to understand in their published work finds a better explanation. The central topic in this dialogue is philosophical scepticism, no less important today than in their time.

Keywords: history of Russian philosophy, phenomenology, scepticism, Lev Shestov, Gustav Shpet, Edmund Husserl

References

- Baranova-Shestova, N. *Zhizn' L'va Shestova* [The life of Lev Shestov], 2 vols. Paris: La Presse Libre, 1983. (In Russian)
- Belyi, A. *Mezhdru dvukh revolyutsii* [Between Two Revolutions. In Russian]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 672 pp. (In Russian)
- Gertsyk, E. *Vospominaniya* [Memoirs]. Paris: Ymca-Press, 1973. 192 pp. (In Russian)
- Grot, N. "O zadachakh zhurnala" [Of the objectives of the journal], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1889, No. 1, pp. V–XX. (In Russian)
- Shchedrina, T. (ed.). *Gustav Shpet: zhizn' v pis'makh. Epistolarynoe nasledie*. [Gustav Shpet: Life in letters. Epistolary heritage]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005. 720 pp. (In Russian)
- Shestov, L. "Memento mori. (Po povodu teorii poznaniya Edmunda Gusserlya)" [Memento mori. (On Edmund Husserl's Theory of Knowledge)], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1917, No. 139–140, pp. 1–68. (In Russian)
- Shestov, L. "Samoochevidnye istiny" [Self-evident truth], *Mysl' i Slovo. Filosofskii ezhegodnik*, Issue I, ed. by G. Shpet. Moscow: G.A. Leman & S.I. Sakharov Publ., 1917. pp. 106–141. (In Russian)
- Shpet, G. "Yavlenie i smysl" [Appearance and Sense], in: G. Shpet, *Mysl' i Slovo. Izbrannye trudy* [The thought and the word. Selected works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005. pp. 33–188 (In Russian)
- Shpet, G. "Zametki o Shestove" [Notes about Shestov], in: G. Shpet, *Filosofskaya kritika: otzvy, retsenzii, obzory* [Philosophical criticism: reviews, comments, surveys]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 210–221. (In Russian)